

Ксения Степановна АВГУСТ*родилась в 1988 году в Калининграде.**Окончила Белорусскую государственную академию музыки по классу фортепиано.**Преподает в Калининградском областном музыкальном колледже им. С.В. Рахманинова.**Публиковалась в российской и международной периодике.**Автор поэтических книг «Преображение» (2019), «Солнечный бумеранг» (2021).**Лауреат ряда международных литературных конкурсов и фестивалей.**Обладательница премии «Вдохновение», Калининград (2021).**В журнале «Север» публикуется впервые.***Ксения
АВГУСТ**
г. Калининград**«...Весна спасёт тебя
и Бог пошлёт»**

* * *

Движения скоромность, буйство цвета,
небес преддождевое серебро,
какую боль ты страшную изведал,
у ветра вынув правое ребро

и свет создав по своему подобью,
поправ по своему хотенью тьму,
того гляди тебя дожди потопят,
но боль твою я на руки возьму

и скоро убаюкаю, и снова
на небе вспыхнет быстрая звезда,
и пискнет оперившееся слово,
под утро вылетая из гнезда.

* * *

Пала тень на солнечное веко,
просто вышел свет из человека,
поднялся над телом выше, выше,
раз — и человек куда-то вышел,
не в кино, не в гости, не за хлебом —
просто вышел из квартиры в небо.

Две черты дрожат на нотном стане,
свет его твоим сегодня станет,
лёгок, беспрепятствен, неведом,
свет его с твоим сольётся светом.

* * *

Уже не снег, а вёрткая кудель
дождя в моих руках, и оскудел
весь мир. В немом бесснежии, среди ночи
молчат дома, а дождь всё льёт и льёт
на землю, коль в неё когда-то лёг
ты сам — он и тебя насквозь промочит.

Я не укрою, Бог не защитит,
один лишь снег нас всех порой щадит,
но снега нет, а значит, нет пощады,
печать воды и горести на всём,
хранит тебя февральский чернозём,
и домик твой баюкает дощатый,

а я спешу, хватаясь на бегу
за воздух, и себя не берегу,
но бережёт меня вода, не слушай
её речей, пока ты нем и наг,
а над тобою плачет Пастернак,
перо своё обмакивая в лужи.

Больше не испытывая жажды
чуда, свет однажды передашь ты,
взвившись над землёй воздушным змеем,
тем, кто сохранить его сумеет.

* * *

Когда не пишутся стихи
и слёзы собраны в платочек —
мгновенья нежности тихи
и свет проточен,

и сна минуты сочтены,
и, отодвинув солнца полог,
Пикассо смотрит со стены
и Джексон Поллок,

ты им показываешь счёт
за свет и плесень на фасаде,
не понимая, что ещё
бы показать им.

Медведи трут земную ось,
чадят якутские пожары,
горчит цветаевская гроздь
рябины ржавой,

а ты о чём-то там молчишь
и лету ткёшь еловый саван,
но не сдаётся Кибальчиш
твой в сердце самом.

* * *

Почто ты плачешь, берёзка махонька?
От удивленья глазами лупаешь,
не золотится на церкви маковка,
не серебрится дорожка лунная,

и что нам делать, скажи пожалуйста?
Такое чудо — мелькнёт и спрячется,
ты мне немного ещё пожалуйся,
а после слёзы утри горячие

и будь счастливой, как грустно б не было,
с листьями смейся и пой ты с птицами,
тебе в косицу вплетает небо ли
заката ленточку и домик ситцевый?

Такой воздушный — коснуться боязно,
но я не стану страшиться, милая.
Берёзка-девица, коса до пояса,
весна спасёт тебя и Бог помилует.

* * *

Сладость белых горошин,
ближе Бог, вдох тесней —
это снег, мой хороший,
это снег.

Ты не вспомнишь, конечно,
ни сейчас, ни потом
эту зиму, мой нежный,
этот дом,

поля беглую повесть,
леса пушкинский ямб,
только я буду помнить,
только я,

ноты звонкие смеха
и домов витражи,
в легком облаке снега
и души,

и как в детстве — на волю,
словно мир снова мал...
Кто в объятиях поля
задремал?

Под крылом лебединым,
на руках у зимы?
Это мы, мой родимый,
это мы.

* * *

Сухая ладонь бересклета
сжимает паучью сеть.
Рожденье — подобие света,
подобие вечности — смерть.

Любовь о прощении молит
и снова прощает сама.

Луне поклоняется море,
и неба пустеет сума,

и в сумме печаль остаётся
такая, что просто беда.
И в руки опять не даётся
ни ветер, ни свет, ни вода.

* * *

Правда дымней,
мраморней нега,
море ты мне
выдал за небо,

«Видишь, сверху, —
мне говорил ты, —
кружат стерхи
в солнечных килтах,

им неведом
плач наш по маю,

только небо
их обнимает».

Я глядела,
и, наглядевшись,
ныло тело,
тлели одежды,

тропка ила
билась с травой,
и штормило
над головою.

* * *

Заходишь в зной — выходишь в пустоту
и слышишь, как кричит: «Ату, ату!»
июньский день, натравливая солнце
на человека, и идут вразмёт
крыла волны, и голос ветра мёртв,
и высохших шмелей хоронят сосны,

а ты хранишь внутри себя весну,
и шишки надеваешь на блесну
дождя, и опыляешь безрассудно
то чьё-то сердце, то простор ничей
словами, и от смолкнувших речей
травы внутри становится так сумно,*

что хочется не думать ни о чём,
и месяц притулился за плечом
и что-то там себе мурлычет под нос,
а ты его не слышишь, и болит,
и мается в ладошке лунный блик,
и поцелуй стирать с предплечья поздно.

* Сумно — мрачно, уныло, печально.

* * *

Говори со мною, говори на
языке забытого тепла,
я не умер, милая Арина,
да и ты, мой друг, не умерла.

Вот паук закидывает невод
в третий раз и ловит мотыля,
мы лежим с тобой и смотрим в небо,
вечность на столетия деля,

а над нами день июньский кружит,
а под нами чёрная вода:
вычерпать уже не хватит кружек,
выпить с горя — будет ли нужда?

А не выпить, веселей ли станет?
Может, на мгновенье, а потом
спрячет под дубовыми листьями
вечер, притворившийся котом,

золотую цепь, впорхнёт синица
в руку чудо-девицы, и вот
нет, не лебедь — чистая страница
поплывёт поверх текучих вод.

«... Весна спасёт тебя и Бог помилует»

5

* * *

На век, на вес, на ветер тонкопалый,
на веру, на вербеновую ветвь
ложатся рельсы-рельсы, шпалы- шпалы
теней, и едет поезд запоздалый
тепла, преобразуя ветер в свет.

И свист его становится всё ближе,
и дым взлетает в небо высоко,
а где-то за холмом, в болотной нише
метель-белянка пятки леса лижет
шершавым, омертвевшим языком,

и слышится во тьме какой-то грохот —
то выползает змей из адских недр,
вагон последний сходит с рельс со вздохом,
и бусины зелёного гороха
печально просыпаются на снег.

* * *

Побыть с собой наедине —
какая роскошь!
У норн* вода в веретене,
а в небе розги,

луны расплывчатый курсор
и судеб нити,
а у меня — разбитый сон
и пёс-хранитель,

а за окном ветров простор,
небес поляны,
глядит из облака росток
звезды полярной,

и полсловечка перед сном,
и слово утром,
и стих, навеянный весной,
и строчка-Урда**,

и солнца песнь, и неба синь,
и ливней титры,
расти, мой ясень Иггдрасиль,
скорей расти ты.

* Нórны — в скандинавской мифологии
три богини судьбы.

** Урд — святой источник под корнями
мирового дерева Иггдрасиль.

